

Лекция №1. Вводная лекция. Исходные положения марксистской методологии.

Ключевые слова: специфика познания общества, отношение между человеком и природой как «вход» в марксистскую концепцию, производительное отношение к природе, его отличие от более позднего понятия «производственных отношений», исторический характер производительных сил, возникающих лишь в классовом обществе, определение понятия «производительные силы»

(Жирным шрифтом выделены ключевые моменты лекции по мнению расшифровщика лекции с аудиозаписи – Пятакова А.Н. Также им произведено разбиение лекции на смысловые блоки и даны подзаголовки, на основе которых составлен план лекции, научная и литературная редакция осуществлена А.В. Харламенко)

План лекции.

1. Введение.
2. Принципиальное отличие познания в гуманитарных науках от познания в естественных науках.
3. Зависимость познания от классовой позиции исследователя.
4. Пример объективности познания в зависимости от классовой позиции исследователя. Пример античного общества, критика взглядов либералов.
5. Методология исследования в общественных науках и марксистская в частности.
6. Производительное отношение к природе как исходное в развитии человечества.
 - а) Исторический пример. Воплощение мифологемы «мировой вертикали» в строительстве египетских пирамид.
 - б) Исторический пример. Египетское общество как пример вписывания человека в природные закономерности.
7. Производительное отношение к природе и формирование производительных сил. Выделение отдельных сфер общественной жизни.

Введение.

Серьезный политолог, а не человек, который собирается провести свою жизнь думским подъячим, должен знать о фундаментальных законах общественного развития. Я попробую в общих чертах, потому что, чтобы сделать это подробно, не хватит двух семестров никак, обрисовать в общих чертах те структуры, на которые опирается политическая систе-

ма современного мира, и тот путь, по которому эти структуры развиваются. Это все, конечно, не просто. Это курс новый.

Не ждите от меня никаких модных позавчера разговоров о цивилизации, о конце истории, о русской национальной идее и прочих тому подобных вещах. Это все разговоры в верхних слоях политиканства, которым, как я полагаю, мы с вами здесь заниматься не будем.

То, что я хочу вам изложить, относится, безусловно, к марксизму, причем – тут мне придется немного улыбнуться и взять это в кавычки – к так называемому «творческому марксизму». Не тому марксизму, который преподавался в то время, когда училась я и большинство ваших преподавателей.

Я должна сказать, что в то время с марксизмом обходились настолько плохо, что я даже не знаю, почему те вещи, которые нам преподавали в массе своей, назывались марксизмом. На самом деле к марксизму они имели очень мало отношения, как я стала понимать только на старших курсах. Это с одной стороны.

С другой стороны, вы сами понимаете, что никакое знание не стоит на месте, развиваются все отрасли знания – математика, физика, химия, биология и все что угодно. Естественно, развивается и общественное знание. Однако это ни в коем случае не означает (как и в случае с другими науками) отказа от классического марксизма. Это означает не только развитие основополагающих идей (основополагающих потому, что они проникают в сущность предмета, а не потому, что их кто-то, когда-то, где-то высказал), но и их корректировку.

Марксизм не есть совокупность высказываний Маркса, Энгельса, Ленина и последовавших за ними теоретиков. **Случалось, что и сам Маркс высказывал отнюдь не марксистские идеи.** Я говорю совершенно серьезно. Потому что в багаже всякого серьезного мыслителя наряду с новыми идеями всегда присутствует какой-то багаж наследия, и он, с одной стороны, питает его идеи, но с другой стороны, тормозит. У Маркса было немало пережитков либерализма, который устарел уже в середине позапрошлого века и который сейчас подается нам как что-то свеженькое. Человеку, знающему историю идей, это смешно, но ваши родители (о вас говорить, наверное, рано) тоже на эту удочку попались десять-пятнадцать лет назад. Это, так сказать, преамбула. Теперь что касается амбулы, если можно так высказаться (смеется).

Мы уточним название курса и сформулируем его так – «Классовые, социальные и политические структуры современного мира». Это название будет пояснено несколько позже на этой лекции или на следующей. Как успеем.

2. Принципиальное отличие познания в гуманитарных науках от познания в естественных науках.

Должна сказать, что для изучения всякого общественного знания существуют определенные сложности, которых нет для ученых-естественников и тем более для инженеров. Совсем недавно мне пришлось выступать перед аудиторией, состоящей из высококвалифицированных инженеров-физиков в одном из наших научных центров. Меня там поправили. Сказали, что если «на всякое тело, погружённое в жидкость...» и так далее. Еще не забыли? У Архимеда было статическое состояние системы, он лежал в ванной, и вода не двигалась, а в результате этого недостаточно, потому что всегда существуют какие-то движения жидкости, которые гидродинамика и изучает. Архимеду было хорошо. Он действительно мог бы создать такую статическую систему. Мы с вами этого не можем.

Это Фауст мог сказать «остановись, мгновение, ты прекрасно», да и то оно не остановилось. Мы с вами не можем сказать «остановись, мгновение, ты ужасно, сейчас я тебя исследую и понесешься дальше». **В общественных науках такое статическое состояние объекта невозможно. Общество находится в постоянной динамике, и вырвать из него кусок или хотя бы смоделировать на объекте невозможно. Приходится иметь дело с постоянно меняющимся объектом.** Это во-первых.

Во-вторых, невозможен эксперимент. Крупные общественные события, например, Октябрьскую революцию иногда называют социальными экспериментами, но, вы сами понимаете, что это фигуральное выражение, что это не есть эксперимент, поставленный кем-то с тем, чтобы смоделировать какие-то условия и на выходе получить подтверждение или опровержение какой-то гипотезы. Сами понимаете, что такого не бывает.

И, наконец – ну, может, быть, не наконец, но ограничимся этим. Существует для общественных наук еще одна сложность, которую не мы открыли, и не Маркс открыл, хотя приписывают это Марксу, но она была известна еще английскому философу Томасу Гоббсу, который жил в 17 веке. И он говорил, что если бы математические истины затрагивали чьи-то интересы, то они бы яростно опровергались. **Так как истины общественных наук, безусловно, со страшной силой затрагивают чьи-то интересы, то они и яростно опровергаются.** Причем опровергаются чаще всего, на самом деле, не в поисках истины, при которых та или иная истина со временем может быть действительно содержательно и доказательно опровергнута. Чаще всего они опровергаются в пылу отстаивания интересов, и далеко не всегда каких-то фундаментальных ин-

тересов, очень часто интересов сиюминутных, поверхностных и откровенно шкурных.

3. Зависимость познания от классовой позиции исследователя.

Учитывая все это, и нужно подходить ко всякому общественному знанию, в том числе и знанию политическому. При этом (и вот это как раз показал Маркс), даже если сам человек желает быть совершенно объективным и, так сказать, не руководствоваться в своем научном анализе никакими соображениями, кроме поиска истины, – субъективно он, может быть, и не хочет руководствоваться ничем другим, но объективно у него все равно так не получится, как бы он этого ни хотел, как бы субъективно честен он ни был.

На самом деле всякие общественные воззрения, увы (или, наоборот, не увы), могут формироваться только с позиций того или иного класса. Некая «марсианская» позиция при взгляде на земные дела невозможна. Почему? Просто потому, что всякий человек формируется в каких-то общественных условиях и в своем формировании воспринимает какие-то установки. Да, он их может преодолеть, в развитии человека его взгляды эволюционируют, безусловно. Но и преодолев, он все равно не вырвется из социальной обусловленности своего мировоззрения. Никуда он не денется. Он может только перейти на позиции другого класса. Что понимается под классом, об этом мы еще поговорим.

Поэтому какой-нибудь Поппер или Хайек или какой-нибудь Фукуяма, правда насчет последнего я сильно сомневаюсь, могут быть субъективно абсолютно честными, но объективно они все равно будут затушевывать какие-то моменты открывающейся перед ними общественной картины и акцентировать другие. Я упомянула Поппера, и чтобы далеко не ходить, возьмем его для примера.

4. Примеры объективности познания в зависимости от классовой позиции исследователя. Пример Античного общества, критика взглядов либералов.

Недавно мне пришлось совсем по другому делу еще раз перелистать его книжку «Открытое общество и его враги». Вам не приходилось с ней сталкиваться? Если нет, то еще придется, никуда вы от нее не денетесь. Хотя, не знаю, может быть, мода эта уже схлынула.

Так вот, он утверждает, что никакого исторического развития на самом деле нет, но во всей истории, проходя, так сказать, через него красной нитью, существует два типа общества – это общество закрытое,

тоталитарное, а, следовательно нехорошее, и общество открытое, демократическое и, следовательно, хорошее. Это вы можете не записывать, это просто иллюстрация. О Поппере мы еще поговорим в следующем семестре, если у нас времени хватит. Он вообще-то не стоит того, чтобы о нем говорить, но его так раздули.

Так вот, самое интересное, что моделью открытого общества он берет общество древних Афин. Это общая любовь всех либералов с 18 по 21 век. Древние Афины, особенно эпохи Перикла, – ах какое прекрасное, какое открытое, какое демократическое, какое замечательное общество: демос стройными колоннами бежит на Агору и там принимает все решения. Причем никто на него не давит, никто его не обижает, он сам действует открыто и естественно. Причем цитируют речь Перикла, в которой он восхваляет афинскую демократию. Он говорит, это не какая-нибудь апология, это программа. Все очень хорошо, просто замечательно.

Но интереснее всего то, что в этом замечательном открытом афинском обществе, причем именно при Перикле, человек, который не имеет с двух сторон родителями чистокровных афинских граждан до не знаю уж какого колена, не может стать членом афинского общества, хоть он вывернись наизнанку. Это первое. Общество ну такое до жути открытое, что в него никто со стороны проникнуть не может.

Далее. В этом замечательном открытом обществе женщины лишены не только политических, но и гражданских прав.

- Это правильно.

Правильно или неправильно – это оценочное суждение. Мы сейчас занимаемся немножечко другим. Я советую вам научиться различать аналитические и оценочные суждения. Так что, как вы сами понимаете, половина этого общества отсечена.

Далее. В этом замечательном обществе существуют так называемые метеки, то есть, соседи, поселенцы, имеющие какие-то права, имущественные например, но не имеющие никаких политических прав и обязанные себе найти среди афинских граждан покровителя, который будет представлять их интересы. Причем, по разным подсчетам, таких метеков не меньше трех человек на каждого гражданина, не считая их семей. Кроме того, в этом уж совсем изумительном открытом обществе существует энное количество рабов, причем в эпоху Перикла на каждого полноправного гражданина приходится от 14 до 19 рабов, по разным подсчетам разных историков. Возьмем среднюю цифру, допустим, их 16. Вот это общество предстает Попперу как модель открытого демократического общества. Как вам это?

- Классно.

По моему, тоже классно. Самое интересное, когда они закрыли свое общество от пришельцев. А закрыли они его после греко-персидских войн, когда греки одержали победу с очень важным и решающим вкладом Афин в эту победу. И поскольку всякая война несет с собой разорение и разрушение, союзный им Египет оказал им, как это сейчас называется, гуманитарную помощь, направил им какое-то количество пшеницы. Доблестные афинские граждане, передравшись за эту пшеницу, ввели такой строгий закон: числиться полноправными членами афинского общества могут только те, кто имеет двадцать одно колено афинских предков, - только они, следовательно, и имеют право получать эту пшеницу, а тот, кто имеет предками чужеземцев или, не дай бог, рабов, сам будет обращен в раба. Вот так. И такое общество предстает нашим либералам и не нашим тоже как идеал демократии.

При этом Поппер со страшной силой, опять же как все либералы, обрушивается на соседнюю Спарту, в которой были и народное собрание, и выборные должности, но не было таких жестких законов по отношению к метекам (по-спартански периекам), они находились в гораздо лучшем положении. Там вообще не было индивидуального рабства. Существовали илоты, и община илотов была коллективным рабом общины спартиатов.

И надо сказать, что илоты находились в гораздо лучшем положении, чем афинские рабы. Хотя все историки тычут носом в афинский закон, по которому запрещается жестокое обращение с рабами, но запрещать жестокое отношение нужно тогда, когда оно наличествует. Вот эта простая мысль почему-то никому не приходит в голову. **Если принят закон о запрете жестокого обращения, значит жестокое обращение существует.**

Афинский раб, лишенный семьи, дома, работающий в лучшем случае в мастерской своего хозяина и месящий глину или раздувающий кузнечные меха, а в худшем случае надрывающийся в серебряных рудниках, где рабы вообще больше трех-четырех лет не выдерживали. И спартанский илот, который живет в своем селении, со своей семьей, занимается сельскохозяйственным трудом. Да, он, конечно, обязан платить какой-то, грубо говоря, оброк спартанской общине, но, согласитесь, в их положении большая разница.

Правда, либеральные историки всячески налегают на криптии. Что это такое? А вот, говорят они, криптии – это такое ужасное установление, когда спартанские юноши с короткими мечами или кинжалами по ночам выходили на дороги и убивали илотов. Так ведь дело в том, что для илотов это не было неожиданностью. Илоты это прекрасно знали, потому что каждый раз эфоры, то есть должностные лица спартанской общины,

вступая в должность, объявляли илотам войну. Вы понимаете смысл этого объявления? По всей вероятности, нет, и буржуазные либеральные историки его тоже не понимали.

Дело в том, что илоты были покоренной общиной в результате завоевания, и ежегодное или двухлетнее (по-моему, все-таки двухлетнее) объявление войны должно было **магически** возобновить вот этот момент завоевания и подчинения. То есть, илоты прекрасно знали, что в определенное время года и время суток нельзя появляться ни на дорогах, ни где-либо. И, как вы думаете, что они делали? Сидели по домам, только и всего.

Я думаю на самом деле, что на самом деле дело обстояло чуть-чуть иначе. Дело в том, что этот ритуал все-таки является жертвоприношением. По всей вероятности, они определяли по жребию или как-то иначе одного – двух человек, которые появлялись на дороге и их убивали. Я думаю, что дело было так. Источники этого, к сожалению, не донесли, но по всем типологически сходным моментам это было так.

Например, у типологически сходных народов Центральной Америки это называлось «войной цветов», когда община, стоявшая выше в иерархии, объявляла войну нижестоящей общине, и вторым вручалось оружие слабое, а первые бились настоящим оружием, и при этом несколько человек погибало, ну и все. То есть, это особый ритуал жертвоприношения, который, во всяком случае, отнимал гораздо меньше жизней, чем одни Лаврионские серебряные рудники. Что уж говорить об остальных прелестях афинского рабства.

Кстати, спартанцы привлекали илотов и к настоящей войне с внешним врагом – конечно, в качестве вспомогательных отрядов, но мыслимо ли это вообще при «нормальных» рабовладельческих отношениях (об афинских я уже не говорю)? Если илотам доверяли оружие – значит, они и считались и были не полными рабами, а скорее зависимыми людьми, как и их собратья в Центральной Америке, тоже привлекавшиеся и к настоящей войне. И восстания илотов не означают, что они были самыми несчастными из рабов, – просто им легче было восстать, когда появлялись для этого причины, чем собственно рабам. Это только афинянам илоты казались еще большими рабами, чем их собственные; но именно их восприятие донесли до нас поколения историков.

К чему я рассказываю вам такие вещи, весьма далекие от современной политической структуры? Для того, чтобы объяснить, что такое классовое мировоззрение, классовая точка зрения в общественных науках. Все эти вещи начисто не замечаются, причем не замечаются столетиями, по меньшей мере с середины 18 века, а может быть, даже с 14-го, с прекрасной светлой эпохи Возрождения. Почему? А потому, что рабы

им неинтересны. Им и метеки в общем-то неинтересны, и даже женщины-афинянки. Да и общинники-спартиаты с их свободными, в отличие от афинянок, женщинами. Им интересны только афинские граждане. Они со своей точки зрения судят – с точки зрения эксплуататоров. И, как видите, **с точки зрения эксплуататоров открывается более узкий сегмент реальности. С точки зрения эксплуатируемых открывается более широкий сегмент.**

Конечно, когда на Земле не будет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых – если это будет, потому что альтернативой такому развитию, такой перспективе служит всеобщая гибель человечества (надеюсь, что мы этого все-таки не допустим), – **то с точки зрения человека, который сам не является эксплуататором и не подвергается эксплуатации, конечно, реальность будет открываться еще шире, еще многообразнее, и познание станет еще глубже;** но до этого надо дожить. Я надеюсь, что наши занятия внесут какую то каплю в ту перспективу, чтобы человечество все-таки не погибло, а выбрало более благоприятный путь. Я надеюсь, что наши усилия будут клониться в эту сторону.

Поэтому еще раз скажу, нам с вами придется смотреть на мир не с точки зрения эксплуататоров и иметь в виду эту поправку, потому что **с точки зрения не эксплуататоров тоже возможны определенная ограниченность мировоззрения, и ограниченность знания, безусловно.** Но все это, конечно, очень непросто.

5.Методология исследования в общественных науках и в марксизме в частности.

Значит, что остается бедному исследователю общественных наук, который не может себе ни условий идеальных создать, ни эксперимент провести, ни проверить свою гипотезу. Какова же методика и методология его исследования?

В общем и целом это то, что сейчас называется моделированием. Строится определенная модель. При этом надо учитывать традиционное требование, сформулированное в Средние века еще Оккамом: сущности, служащие для объяснения, не должны умножаться до бесконечности. То есть, **модель должна быть лаконичной и экономной, непротиворечивой в себе, на входе она должна быть обоснована какими-то данными, в эту модель не входящими, а на выходе она должна оправдываться в ходе практики и давать какие-то прогностические возможности.**

Конечно, модель модели рознь. В 1995 году одна дама-демократесса – экономист по образованию, окончившая соответствующую

ший факультет МГУ, доцент, кандидат наук, – обещала мне экономический подъем в 1999 году. Здорово, правда? Нет, это была личная беседа, ей не нужно было мне голову морочить, за что-то агитировать, но, как видите, прогнозы ее блестяще оправдались, особенно через три года (*имеется в виду дефолт 1998 г. – прим. А.Пятакова*). Сами понимаете, что такая модель никуда не годится.

Что же касается марксистской модели, то лет пять-десять назад очень много говорилось о том, что марксистская модель развития общества тоже потерпела поражение, что она не оправдалась и так далее. Об этом мы еще поговорим, насколько она «не оправдалась», **по-моему, она как раз оправдалась на все сто процентов, и факт контрреволюции в Советском союзе ее не опровергает, а подтверждает.** Я что-то не помню, чтобы Маркс, Энгельс, Ленин говорили о невозможности контрреволюции. Это такой же момент развития, как и революция, хотя без контрреволюции было бы гораздо спокойнее. Но что поделаешь?

Так вот, марксистская модель общества (и сейчас мы непосредственно приступаем к тому, о чем мы должны говорить) тоже имеет свою внутреннюю структуру, свой вход, свой выход, более того, это *системная* модель. Я уже предупреждала о том, чтобы вы не ждали от меня утверждения в духе постмодерна на тему, что всякая модель имеет право на существование и все равноправны, потому что ни одна из них не верифицируема на самом деле. Это мы оставим на бедность Попперу и прочим ему подобным.

Из чего исходит марксистская модель? Маркс и Энгельс еще в самых ранних своих работах (начиная с «Немецкой идеологии», написанной в 1845 году), сформулировали очень четко этот исходный пункт. Они писали, что существуют живые человеческие индивиды (я пересказываю, а не цитирую, цитирую я всегда плохо, смысл – да, а начетчик я никакой), существование живых человеческих индивидов, которые должны удовлетворить свои элементарные природные потребности – есть, пить, укрываться от холода, продолжать свой род и так далее. То есть, снова и снова приходится мне акцентировать на этом внимание, потому что это очень часто не выделяется. Что является исходным моментом марксистской модели общества? **Это взаимосвязь общества и природы.**

Очень часто приходится слышать, что это производительные силы. Да нет – до них еще дожить надо. Взаимосвязь общества и природы – **это значит, что для того, чтобы понять какое-то общественное явление, в идеале мы должны проследить его вот до этих его основ – до взаимосвязи общества и природы.** Безусловно, отдельному исследователю

это не под силу. Это под силу только **школе**, причем школе, которая снова и снова воспроизводится.

Но это требует пояснений. Что значит взаимосвязь общества и природы? Разве только человеческие индивиды должны питаться, укрываться от холода, размножаться и так далее? Нет, это должен всякий индивид, будь то кошка, ворона, таракан, извините. Все эти индивиды подчинены одним и тем же законам природы. В чем же различие между человеческими и тараканьими индивидами?

- Может быть, труд?

Да, труд, но это тоже не совсем верно. Этого не понимал еще Энгельс. Труд, как собственно труд, возникает довольно поздно. На самом деле, **о труде как таковом, собственно о труде, можно говорить только с возникновением классового общества.** До этого то, что происходит, давайте обозначим иначе, а именно – как производительное отношение к природе. Подчеркиваю – не производственное ни в коем случае. То, что Энгельс называл трудом, – это еще не труд, здесь имеет место некая терминологическая неразведенность.

- Для этого нужен коллектив.

Вы знаете, коллектив – это понятие тоже очень позднее, возможно даже более позднее, чем труд. И, конечно, для того, чтобы был труд, должен сложиться коллектив или наоборот. Что касается коллектива, то человек выходил из мира животных не поодиночке, а именно **сообществами, которые еще нельзя назвать коллективами, – сообществами, которым складываться как раз и не надо, они существуют уже в природе.**

Обратите внимание, высшие животные живут, как правило, стаями, например, составляют так называемые прайды, как львы. Это вообще очень интересная вещь. Ведь основой такого львиного прайда является сообщество взрослых самок, с ними живут детеныши и подрастающие львята, а на периферии живут один-два самца, которые охраняют территорию. Собственно, функция обезьяньих самцов – тоже охрана территории.

Таким образом, такое праобщество уже дано исходно, ему складываться не надо. Вопрос только в том, как природные отношения перерастают в общественные. Это очень сложный путь, мы его касаться во всех подробностях не будем.

Но что является моментом перехода, когда чисто природные отношения превращаются уже в производительные? Ведь животные, как писал Маркс в свое время, **не отличают себя от своей непосредственной жизнедеятельности.** Что это значит? Это значит, что оно есть то, что оно есть на данный момент. У него очень мало памяти, есть, конечно,

память, но очень мало, она актуализируется какими-то сиюсекундными событиями своей жизни. Вот если я своей кошке делала укол, то увидев у меня через десять дней в руках шприц, она забивается под стол. Это факт из моей жизненной практики (смеется). Но за все эти десять дней, пока она не увидела шприца, она об этом уколе не вспоминала. У животного нет планов на будущее. Оно существует в данной среде в данный момент, оно не отличает себя от своей непосредственной жизнедеятельности. Человек отличается.

Но когда, с какого момента, где вот этот переход? Это не использование орудий «труда». Орудия «труда» используют и животные. Обезьяна берет палку, сбивает плод, ворона берет камешек и начинает по чему-то колотить, разбивает то, что ей надо разбить. Это, конечно, у высших птиц, у них нет коры головного мозга с извилинами, но есть похожая высокоразвитая структура – стреатум, и там происходят какие-то сложные процессы. Но ведь ни ворона, ни обезьяна, скажем так, не совершают демократических революций. В чем же дело?

Дело в том, что когда этот предок человека оказался в принципиально новой для себя окружающей среде – в саванне, когда стали высыхать леса, когда перед ним встала такая дилемма (хотя он сам этого не осознавал) – либо он выживет, превратившись в человека, либо погибнет, – то **решающим стал момент не использования, а изготовления орудий «труда»**. Что это значит?

А первоначально это значит какую-то элементарную вещь. Вот этот самый предок взял палку с развилкой на конце, чтобы выковырять какой-то съедобный корешок, и, может быть, он **эту палку не выбросил, а положил, сообразив, что, может быть, она ему еще пригодится**. Или это был какой-то камешек удобный, которым он что-то расколот, и он ему по руке пришелся, по лапе даже, руки еще у него не было. И вот это был **первый момент отличия себя от своей непосредственной жизнедеятельности. То есть, момент целеполагания. Человек вообще существо целеполагающее**. В этом смысле и произошло отделение общества от природы, которое уже потребовало в дальнейшем производительного, а не непосредственного к ней отношения. Между человеческим еще не обществом, а предобществом, и природой встал вот этот камешек или палка. **Это уже иная система, это не система, в которую все включены на равных основаниях**. Как у Заболоцкого:

Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.

Вот эта цепь. «Так вот она гармония природы», восклицает поэт, оказывается, гармония состоит в том, что по этой цепи все друг друга пожирают. Но дело даже не в пожирании. Дело в том, что эта трава, жук и птица – хотя, естественно, жук более высокоорганизованное существо, чем трава, которую и существом-то еще нельзя назвать, а птица, естественно, еще более высокоорганизованное существо, чем жук, – они включены в эту систему на равных, они не отличаются друг от друга. Они существуют по законам природы – трава растет по законам природы, жук ее кушает по законам природы, и птица кушает жука тоже по законам природы. Это единая, внутри себя устойчивая, система.

А тут уже возникла иная система. Если тут у нас природа (рисует на доске), то тут крохотная точка из нее выделилась, и система стала более сложная, уже не взаимосвязь в природе как таковой, а взаимосвязь между природой и *чем-то*. Хотя, конечно, человек, выделившись из природы, не перестает быть природным существом. В том-то все и дело. Это-то и обеспечивает эту взаимосвязь на веки веков, никогда мы не перестанем быть природными существами и никогда никакая инженерно-техническая мысль 19 века, перелившаяся в 20-й, это абсолютное господство человека над природой не осуществит. Это невозможно, потому что человек есть сам природное существо.

Таким образом, еще и еще раз повторяю, центральная, базисная мысль марксизма в том, что основа человеческого общества – это отношение, которое находится в самом обществе и одновременно вне этого общества, это отношение человека и природы (под человеком я имею в виду человечество), отношение человечества и природы. **Вот эти отношения являются основой всех остальных отношений в человеческом обществе.** И так как человек относится к природе производительно, то это отношение оказывается по существу человеческим, то есть именно человечество играет в этом отношении ведущую роль. Конечно, когда в «Марше энтузиастов» А. Д'Актиль говорит, что: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака», то он несколько увлекается. Такого быть не может.

6. Производительное отношение к природе как исходное в развитии человечества.

Исходное отношение – это производительное отношение к природе. Постепенно оно развивается вместе с самим человеком и человеческим обществом. Эти процессы идут, я даже не могу сказать параллельно, они идут как единое целое. Это разные аспекты одного и того же. Человек развит настолько, насколько развито общество, общество развито

настолько, насколько развит человек. Повторяю, развитие человека и человеческого общества – это единый процесс. Это две стороны одного и того же процесса.

Так вот, это производительное отношение к природе создает определенные отношения внутри человеческого общества. Согласно марксистской концепции, отношения внутри человеческого общества продиктованы не чьей-то волей, тем более не чьим-то капризом, поэтому, когда приходится читать, что Горбачев развалил Советский союз, а Ельцин довел Россию до такого нехорошего положения, то остается только руками развести: бог, что ли, этот Горбачев или Ельцин? Явно не блестящий интеллектотворец и вдруг целую страну развалил... Нет. Всегда существуют объективные причины. Это не значит, что человек бессилен в истории, что эти объективные причины его тащат за собой – нет-нет-нет. **Он всегда может что-то сделать, но только на основе тех объективных процессов, которые в истории происходят.** Скажем, как невозможны полеты на самолетах там, где нет атмосферы. Там надо летать на летательных аппаратах другой конструкции. Это не значит, что нельзя летать, можно, только летательный аппарат должен быть сконструирован иначе.

Итак, общественные отношения. Первоначально они еще не отрываются от отношений природы, все-таки они формируются на ее основе. Я имею в виду, что даже производительное отношение человека к природе еще не сразу вышло из природных закономерностей. Я имею в виду даже не каких-нибудь неандертальцев, которые даже огонь добывать не умеют, а умеют только поддерживать. Я имею в виду даже не каких-нибудь кроманьонцев, которые огонь добывать уже умеют, но не более того. Я имею в виду даже уже довольно развитые человеческие общества.

а) Исторический пример. Мифологема «мировой вертикали» как истинная причина строительства египетских пирамид.

Возьмем, к примеру, Египет. Это уже достаточно развитое общество: какие они пирамиды строили! Кстати, вам в школе, наверное, говорили, что их строили для возвеличивания фараонов, да? Мне тоже так говорили. На самом деле они строили мировую вертикаль. Но это уже сказки начинаются. Рассказать вам еще одну сказку? (Смех в аудитории).

А этого действительно никто не знает, кроме меня, но вот еще вы знать будете. Я совершенно серьезно говорю. На это никогда не обращалось внимание. Все исследователи мифов древности знают, что во всех мифологиях без исключения существует понятие мировой вертикали. Это уже общее место, на это уже ссылаться не надо, что так писал Степан

Каменский или Потебня. Это общее место, его можно приводить как дважды два четыре, – мировая вертикаль. Весь мир строится по оси: срединный мир, где мы с вами, верхний мир и нижний. Это первая ориентация человека в окружающем мире: я, надо мной и подо мной. Точно так же как я, передо мной, позади меня, справа и слева. Это еще один сакральный символ – крест. Это древнейший символ, это никакое не христианство, что вы, бог с вами. Потом этот крест превратится в свастику, солнечное колесо, которое отнюдь не Гитлер придумал, но это мы слишком далеко ушли.

Так вот, эта мировая вертикаль может быть деревом, как например, священный ясень Иггдрасиль в скандинавской мифологии. Или тот самый дуб, с которым вы с детства знакомы. Дуб, который растет на Острове-Буяне, а на дубе ларец, а в ларце – заяц, а зайце – утка, а в утке – яйцо, а в яйце – Кошечья смерть. Ведь это древнейшая мифологема. Сказки вообще из мифов возникли. И этот дуб играет роль мировой вертикали. А если представление о вертикали возникает у народов, живущих в гористой местности, то это гора. И вы мне такую мировую гору сами назовете. Олимп, конечно.

Предки египтян тоже пришли из какой-то местности, где были горы, и они строили модель мировой горы. Точно такие же, правда ступенчатые, пирамиды строили типологически древние (хронологически большей частью средневековые, но по своей сущности древние) народы Южной и Центральной Америки, которые египтян, как вы сами понимаете, знать не знали. Они строили пирамиды, а на вершине было святилище. Для возвеличивания фараонов не нужны были никакие пирамиды, они нужны были для другого. А фараон покоился в ней просто как сакральный объект, как глава общины и воплощение бога, какого – в разное время было по-разному. Тогда, вероятно, солнечного бога Ра. Он не только солнечный бог, это очень сложное божество, но бог с ним.

б) Исторический пример. Египетское общество как пример выпичывания человека в природные закономерности.

Это мы слишком далеко с вами ушли. Я хотела сказать другое. Что египетское общество было обществом достаточно развитым. Они не только пирамиды строили, они занимались мелиорацией, но по сути своей, обратите внимание, вся эта сложнейшая система каналов, поддерживающаяся в идеальном порядке на протяжении всей долины и дельты Нила, – она ведь по существу была вписана в природный процесс. Она не была чем-то таким, что человек измышляет сам, планирует, конструирует и строит. Это было только продолжением природных процессов. Нил в

определенное время разливается и пусть он разливается именно так, а не иначе. Ведь они не построили плотину, чтобы он разливался как-то иначе, нет, человеческая деятельность была вписана в природный процесс.

Так же и чинампы, которые делали индейцы Америки, находившиеся на том же уровне, что и древние египтяне. Это были сооружения вроде искусственных насыпей у берегов озера, на которых сажали земледельческие культуры, – огороды, как бы мы сейчас сказали. Это опять вписывание в природный процесс, создание удобной отмели, на которой удобно выращивать.

То есть, первоначально достаточно долго **существует целостность отношений человека с природой, – уже не целостность, не единство человека с природой, но единство отношений человека с природой.** И следовательно (вот это уже надо записать) **единство отношений внутри человеческого общества.** Внутри человеческого общества еще не выделились сферы, скажем, экономическая, политическая, культурная, религиозная и так далее. Все еще идет в целостности. То же самое строительство каналов является всем сразу, оно включает в себе моменты, из которых потом разовьются и политические, и культурные, и какие угодно отношения. Они еще не развились, они еще существуют в целостности. Вот тут у меня есть возражение против Маркса и очень серьезное. Но сейчас, думаю, времени на это нет. Но я об этом еще скажу.

7. Переход от производительного отношения к природе к формированию производительных сил. Выделение самостоятельных сфер общественной жизни.

Только постепенно, когда человечество уже настолько отходит от природы, что его производительное отношение к природе становится действительно, уже можно сказать, самостоятельным, **когда его производительная деятельность уже не вписывается в природные процессы, а изменяет их согласно человеческим планам,** вот тогда внутри человеческого общества возникают различные сферы отношений. Тогда выделяются отношения экономические, социальные и так далее.

И постепенно каждое из этих отношений, развиваясь, образует в обществе особую сферу. Под сферой я понимаю относительно замкнутую систему отношений внутри какой-то более общей системы отношений. То есть, мы имеем систему общественных отношений, но внутри нее ряд, так сказать, подсистем.

Какие же подсистемы можно выделить внутри общества? (Я имею в виду сейчас уже развитое классовое общество, в котором эти системы уже достаточно выделились.) Итак, мы сказали, что существует произво-

дительное отношение общества и природы. **В классовом обществе это производительное отношение выливается в создание системы производительных сил.**

Итак, первая – это система производительных сил. Это те, во-первых, непосредственные предметы, а во-вторых, некие идеальные образования, то есть умения и навыки человека, которые и составляют эту взаимосвязь человека и природы. **Производительные силы – это как раз система взаимосвязи человека и природы.**

Что в нее входит? Средства труда от ручного рубила до... не знаю что еще будет, вы, конечно, будете знать больше; предмет труда – то, на что направляются трудовые усилия и трудовая деятельность человека; и, наконец, сам человек, но, опять же, человек не во всей совокупности своих характеристик, а человек как производитель, то есть, человек, взятый со стороны его производственных (в широком смысле производственных) знаний, умений и навыков.

Далее, на эту систему производительных сил опирается система производственных (вот теперь не производительных, а производственных) отношений. Это отношения, которые складываются по поводу производства. Это отношения, сразу говорю, классовые. Производственные отношения существуют не в рамках отдельного завода или мастерской, не в рамках отдельного города или деревни, **они существуют в рамках общества в целом.**

И вот эти отношения служат основой для всех остальных отношений, которые складываются в обществе. Собственно говоря, **производственные отношения непосредственно наблюдать мы не можем.** Точно так же, как мы не можем наблюдать, скажем, генетическое отношение. Точно так же, как мы не можем непосредственно наблюдать всемирное тяготение как таковое – только через движение различных тел, правильно? Вот так же мы непосредственно не можем наблюдать и классовые отношения. Мы наблюдаем их, как говорил Ленин, через систему конкретных социальных проявлений. Последние образуют сферу **социальных отношений.**

Это не очень удачный термин, потому что у нас употребляют слово «социальный» в двух разных значениях. Во-первых, как синоним слова «общественный» – вместо того, чтобы сказать по-русски, говорят по-латыни, так красивше (*говорит и иронией*). А во-вторых, тоже достаточно часто, именно для обозначения определенной общественной сферы. Мы будем употреблять это слово во втором, в узком смысле.

Производственные отношения нам даны через сферу социальных проявлений, то есть через сферу социальных отношений. **А вот это – отношения наблюдаемые.** Наблюдаемые простым глазом. Нам, например,

не дано видеть прибавочную стоимость, но нам дано видеть прибыль, выраженную в денежных знаках. Кстати, деньги нам тоже видеть не дано, потому что деньги – это не купюры, это общественное отношение, нам даны лишь денежные *знаки* – неважно, золото это или бумага. Нам, опять же, не дано видеть пролетариат или буржуазию как класс. Но нам дано видеть конкретного наемного рабочего. (Кстати, наемный рабочий может сколько угодно быть наемным рабочим *умственного* труда. Фактически все мы сейчас превратились в них). Нам не дано видеть класс буржуазии, но дано видеть отдельного буржуа, их образ жизни. Нам дано видеть уровень образования, профессиональную квалификацию, доходы, наконец, – все эти вещи, которые и составляют социальную сферу.

Далее идет сфера, которая опирается на нее, – это сфера политическая, сфера политических отношений. Как производственные отношения – это отношения по поводу производства, так **сфера политических отношений – это сфера отношений по поводу власти**. Это то, что вас как политологов должно интересовать. Существуют и другие сферы. Например, юридическая, тесно связанная с политической, культурная, религиозная. Но обо всем этом мы будем говорить в следующий раз.